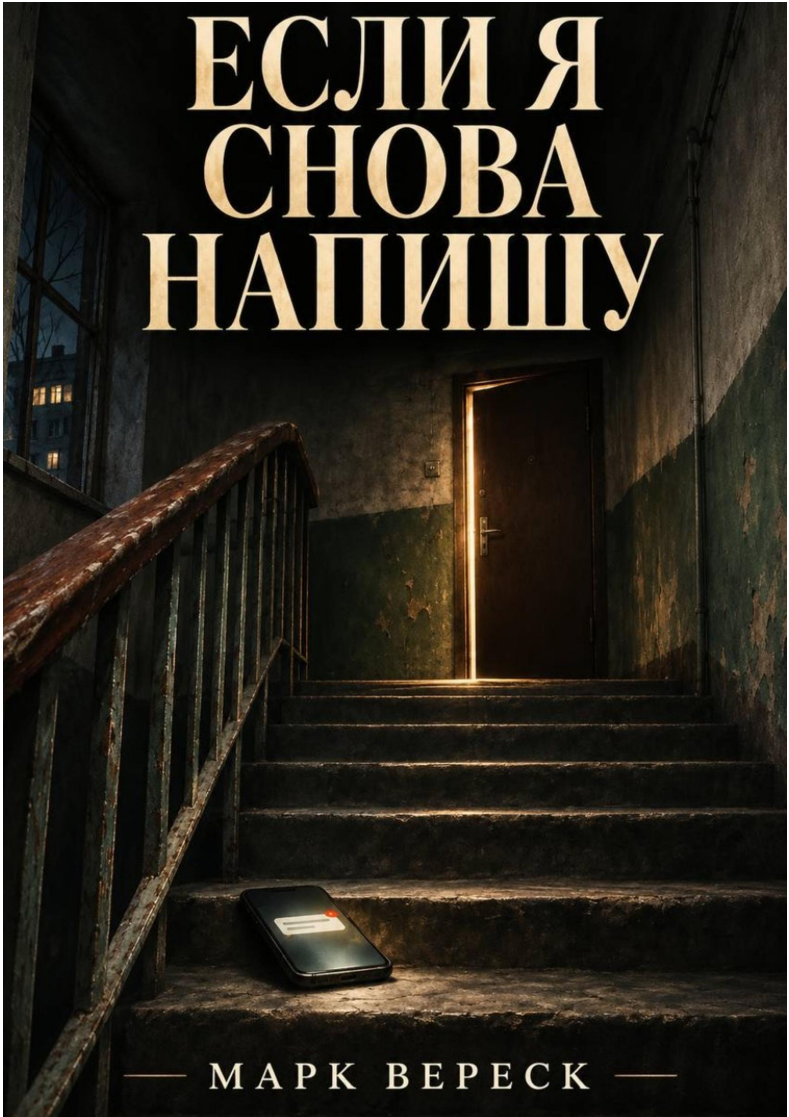

ЕСЛИ Я СНОВА НАПИШУ
МАРК ВЕРЕСК

Марк Вереск
Если я снова напишу

https://litres.ru/74934224
SelfPub; 2026

Аннотация

Жена возвращается домой накануне собственного опознания. Два брата разбирают родительский дом и обнаруживают, что один из них всю жизнь помнил сестру, которой у другого никогда не было. В подъезде появляется новая дверь. За ней — знакомый двор и объявления о пропаже всех жильцов.

На форуме этим историям сначала не верят. Просят фотографии, советуют сменить пароль, обратиться к врачу. Потом начинают исчезать сами комментаторы.

Оставшиеся сравнивают записи, ищут старые документы, звонят тем, кто уже пережил подобное. Но фотография может измениться. Голос близкого — позвать из комнаты, которой нет. А человек, обещающий помочь, — попросить подтвердить то, чего вы не видели.

«Если я снова напишу» — двенадцать связанных историй о пропавших и вернувшихся, несовместимых воспоминаниях и домах, из которых трудно уйти. Продолжение книги «Если я перестану отвечать».

Здесь у каждого сообщения есть автор. Иногда — больше одного.

Содержание

История первая. Моя жена вернулась. Мы ещё не успели её похоронить 4
История вторая. Мы с братом помним разное детство 30
История третья. В нашем подъезде появился второй выход 58
Конец ознакомительного фрагмента. 59

Марк Вереск
Если я снова напишу

История первая. Моя жена вернулась. Мы ещё не успели её похоронить

Пользователь: запасной_ключ
Опубликовано: среда, 01:26

Жена сейчас в ванной. Я слышу, как она двигает по полке мои бритвенные принадлежности. Ей всегда мешает станок: я кладу его поперёк, а она ставит в стакан ручкой вниз. Потом мы спорим, потому что там скапливается вода.

Я готов спорить об этом всю оставшуюся жизнь.

Вчера следователь позвонил и сказал, что нашли тело. Опознание сегодня в десять.

Три часа назад Оля открыла входную дверь своим ключом.

Она пропала девятнадцать дней назад. В четверг, после работы. Купила в аптеке капли для моей матери, отправила мне фотографию чека — мама потом возвращает деньги, хотя мы просим этого не делать, — и написала: «Минут через

сорок буду».

Капли нашли в её машине. Машина стояла на обочине старой дороги за Восточным посёлком. Аварийка работала, водительская дверь была прикрыта. Телефон лежал на сиденье экраном вниз.

Ни сумки, ни Оли.

Я не буду пересказывать поиски. Те, кто искал близкого, знают, как это выглядит. Остальным объяснить сложно. На пятый день я поймал себя на том, что завидую людям в очереди за кофе. Они могли выбирать сироп. У них оставалось место в голове, чтобы выбирать сироп.

Потом я перестал спать в спальне. На диване можно было оставить включённым телевизор и представить, что она просто раньше легла.

Вчера следователь спросил, могу ли я говорить.

Можно подумать, я мог делать что-то другое.

Он сказал, что на территории заброшенной насосной станции обнаружили женщину. При ней мои документы. То есть не мои. Её документы. Простите, я сейчас плохо формулирую.

Я спросил, Оля ли это.

Он помолчал и сказал, что нужно приехать.

Потом уточнил про пластину в левой руке. Оля сломала предплечье шесть лет назад, упала с велосипеда. Я сообщил об этом ещё в день исчезновения.

Я всё понял.

Вечером приехал мой брат Паша. Привёз суп в кастрюле, хотя готовить не умеет. Сказал, что купил в столовой и перелил, чтобы я не ел из пластика.

Мы сидели на кухне. Он говорил про отпуск, который мне нужно оформить. Я разглядывал пятно на ручке кастрюли.

В десять с чем-то в замке повернулся ключ.

Паша замолчал первым.

Оля вошла боком, прижимая к себе сумку, чтобы не задеть дверной косяк. У сумки недавно разошёлся боковой шов. Она всё обещала отнести её в ремонт.

— Ну и ливень, — сказала она. — Паш, привет. Ты чего такой?

На ней была синяя куртка. Та самая.

Я помню мокрый след от подошвы на плитке. Помню, как Паша встал и ударился коленом о стол. Самого момента, когда я оказался возле неё, не помню.

Она пахла улицей, мокрой шерстью и аптекой. Руки были холодные. Под ухом — маленькая родинка, которую я всегда задевал губами.

Я держал её слишком сильно.

— Лёш, ты мне больно делаешь.

Я отпустил. Потом снова взял за плечи.

Она сказала, что у меня страшное лицо.

Для неё прошло часа два.

На дороге загорелась лампочка давления в шинах. Оля

остановилась возле поворота на насосную. Переднее правое колесо выглядело спущенным. Пока она обходила машину, у ворот станции появился мужчина.

Обычный, пожилой. В рабочей куртке. Сказал, что у него есть компрессор, только машину надо подогнать к воротам: шланг короткий.

Я спросил, зачем она пошла туда пешком.

Оля посмотрела на меня.

— Он попросил помочь вынести компрессор.

Внутри был свет. Радио. Электрический чайник на табуретке. Мужчина ушёл в соседнюю комнату за удлинителем.

Я спросил, сиденье у табуретки красное было или коричневое.

Оля сказала, что не помнит. Я сам не знал, зачем спросил. У нас на даче были такие табуретки, с обивкой.

Дальше она помнит, что сидела. Очень хотелось спать. Возле батареи сушились чьи-то детские варежки.

Проснулась на автобусной остановке у нашего дома. Сумка на коленях, куртка мокрая. Решила, что упало давление. Телефона в сумке не оказалось. Пошла домой.

— Машину забрать надо, — сказала она. — Там капли твоей маме.

Паша достал телефон. Отошёл в коридор и кому-то позвонил.

Я показал Оле дату.

Она начала смеяться.

Потом перестала.

Она взяла мой телефон обеими руками, открыла новости, зачем-то погоду. Нашла сообщение от своей сестры, которое я получил неделю назад. Спросила, почему сестра пишет мне.

Я сказал, что все её искали.

Оля села прямо на пол, не сняв второго ботинка.

Когда приехала скорая, она всё ещё там сидела.

Врач не нашёл ничего срочного. Давление немного понижено, пульс частый. Предлагал ехать в больницу. Оля отказалась. Паша уговаривал, я тоже, но она вцепилась в мою руку и сказала: «Утром. Только не сейчас».

Полицейские приехали следом. Сфотографировали документы, задали вопросы. Один разговаривал с Олей в комнате, второй со мной на кухне.

Я спросил про женщину на станции.

Он тихо сказал, что это дело следователя.

— Вы его предупредите?

— Уже.

Паша остался ночевать. Сейчас курит на лестнице. Он не знает, что я пишу сюда.

Мне нужно спросить одну вещь. Может ли человек после сильного стресса забыть почти три недели, но помнить всё остальное? Она знает код сигнализации, пароль от ноутбука, помнит наш последний разговор. Спросила, починил ли я

дверцу шкафа.

Не починил.

Она на меня за это рассердилась. По-настоящему, привычно.

Сейчас мне стыдно за то, какое облегчение я испытал.

Комментарии

медленный_свет: Амнезия бывает. Вам нужны врачи, обследования. С форума никто диагноз не поставит. Не оставляйте её одну.

запасной_ключ → медленный_свет: Утром поедем. Спасибо.

северный_двор: Вы ей сказали про найденную женщину?

запасной_ключ → северный_двор: Нет. Она пока не знает.

северный_двор: Тогда сначала сами узнайте, что именно нашли.

листопад_17: Напишите точное название насосной.

запасной_ключ → листопад_17: Зачем?

листопад_17: Моя мама там работала. До закрытия.

Обновление: среда, 08:14

Мы почти не спали.

Она уснула около четырёх, прижавшись ко мне. Я лежал

и слушал её дыхание. Обычное дыхание спящего человека. Иногда она сглатывала, один раз дёрнула ногой.

Меня начало отпускать.

Потом она сказала:

— Там кастрюлю поставь. Капает.

У нас протекает стык над балконом. Во время сильного дождя вода собирается на подоконнике. Но в спальне ничего не капало.

Я спросил, какую кастрюлю.

Она не проснулась. Потёрла щёку о подушку и пробормотала:

— Вон ту. С погнутой ручкой.

У Пашиной кастрюли погнута ручка. Но Оля видела её вечером. Это ничего не значит.

Не надо писать мне, что это значит.

Следователь позвонил в семь. Сказал, что к Оле приедут отдельно, а меня попросил всё-таки быть к десяти. Я спросил, зачем теперь опознание.

— Алексей, — сказал он. — Нам нужно исключить ошибку.

От его голоса у меня свело зубы.

Оле сказал, что еду за машиной. Её уже перевезли на стоянку, так что формально я не соврал. Паша побудет с ней.

В личку написала женщина, которая спрашивала про насосную. Её мать работала на другой. Удаляю адрес из комментариев: не хочу, чтобы туда кто-нибудь полез.

Обновление: среда, 14:52

Это она.

Я видел свою жену мёртвой.

Не спрашивайте, насколько я уверен. Я тоже начал бы с этого вопроса.

Справа под рёбрами у Оли шрам. В детстве она пролезала через забор, напоролась на проволоку. Два коротких рубца и один длинный, кривой. У этой женщины они есть.

Есть пластина в руке.

Есть сломанный ноготь на мизинце. В среду перед исчезновением Оля прищемила его ящиком.

Я попросил показать руку ещё раз.

Следователь стоял рядом и всё повторял моё имя. В какой-то момент я понял, что он держит меня за локоть.

Дальше был кабинет. Стакан воды. Бумаги, которые мне давали, потом забрали, потому что я не мог читать.

Я спросил, была ли она там все девятнадцать дней.

Он ответил, что экспертиза ещё идёт.

Потом он спросил, готова ли Оля приехать, сдать образцы для сравнения. Я сказал, что она согласится.

Он попросил её номер.

— Я передам, — сказал я.

— Алексей. Мне нужно спросить её саму.

Я продиктовал. Уже выйдя из кабинета, подумал: она ведь

не знает, с кем её будут сравнивать. Позвонил Паше, попросил пока не давать ей брать незнакомые номера. Сказал, что опять звонят люди, которые видели похожую женщину.

Он поверил. Таких звонков за девятнадцать дней было много.

Ещё в кабинете я получил от Паши фотографию. Оля на кухне, в моей футболке, ест бутерброд. Подпись: «Всё нормально. Не торопись».

У мёртвой женщины в волосах был тот же запах шампуня.

Я помню, как сам купил его по акции. Два флакона по цене одного.

Комментарии

северный_двор: Заберите брата и выйдите из квартиры. Сейчас.

медленный_свет: Если всё так, как вы пишете, требуйте официального объяснения. И пусть кто-нибудь отвезёт вас домой. Самому за руль не надо.

домовой_чат: А фото жены будет? Пока выглядит как обычная выдумка.

запасной_ключ → домовой_чат: Нет.

листопад_17: Извините. Я соврала про маму. Мне нужно было понять, та ли это станция. У меня вернулся отец.

Обновление: среда, 19:07

По дороге домой я сохранил в заметки три вопроса.

На каком этаже мы снимали первую квартиру. Как звали собаку Олиной бабушки. Из-за чего поссорились в день свадьбы.

Первый сразу стёр. Такое можно узнать. Оставил последние два.

Оля сидела на полу возле шкафа. Рядом лежали отвёртка и высыпанные на полотенце шурупы. Дверца была снята с петли.

— Ну конечно, — сказала она. — Тут же крепление вырвано. Надо было сразу сказать, я бы новые петли купила.

На плите кипела вода. Паша играл во что-то на телефоне. Из ванной доносился шум стиральной машины.

Я спросил, помнит ли она Буяна.

Она подняла голову.

— В смысле?

— У бабушки твоей. Ты рассказывала.

— Ну помню. А что?

Я сел рядом с ней. Один шуруп вкрутил пальцами в пустое отверстие, вытащил. Спросил про свадьбу.

Она сказала, что из-за машины. Мы заказали тёмную, а прислали белую с розовыми лентами. Мне не понравилось, что она полчаса ругается с водителем, пока гости стоят у подъезда.

Всё правильно.

Я написал в заметках: «Помнит».

— Он у тёти жил, — сказала Оля.

— Кто?

— Буян. У бабушки не было собаки.

Я посмотрел на неё. Она уже не держала отвёртку. Положила возле ноги.

— Ты меня проверяешь?

Я сказал, что нет.

Оля попросила телефон.

Мне надо было отдать. Просто протянуть ей телефон, на котором было всего два вопроса и одно слово. Я убрал его в карман.

Она встала. Позвала Пашу, спросила, куда я ездил.

Он посмотрел на меня.

Вот тогда я заплакал.

Впервые за эти дни так, что не мог остановиться. Оля шагнула ко мне, наступила босой ногой на шуруп, выругалась. Села обратно, вытащила его из-под пятки.

Я всё смотрел на маленькую красную точку у неё на коже.

Потом рассказал.

Первое, что она спросила:

— Мама знает?

Я покачал головой.

— Пока не говори.

Потом попросила показать фотографию той женщины. Фотографии у меня не было.

— Она была в моей одежде?

Я сказал, что видел только лицо, плечо и руку.

Оля посмотрела на мизинец. Сломанный ноготь цеплялся за край футболки. Она осторожно отогнула его, будто проверяла, больно ли.

Спросила, что она говорила, когда пришла домой. Я повторил про ливень.

— Я тебя обняла?

— Я тебя обнял.

— А я что делала?

Я не мог вспомнить. Помнил родинку, холодные руки, запах. Сказал, что она просила отпустить, я сделал ей больно.

Оля кивнула. Очень быстро. Потом опять.

— Лёш. Я после дороги в машине переобулась?

Я не понял вопроса.

Она объяснила: утром на работу надела ботинки, а в конторе переобулась в туфли. Ботинки унесла в багажник. Когда она пропала, в ориентировке мы указали ботинки. Наверное, правильно. Но сейчас она не помнит, как снова их надевала.

— Я помню, как он чайник включил, — сказала она. — А потом уже остановка. Вдруг между этим было что-то ещё?

Я сказал, что врачи разберутся.

Она не слушала. Спросила, где её сумка. Нашла на тумбочке, вывернула содержимое на диван. Кошелёк, пропуск, две ручки, упаковка салфеток. Всё разложила, потом начала складывать обратно и сбилась.

Паша сел рядом. Подал ей кошелёк.

— Поедем сейчас, — сказал он. — Я отвезу.

Она попросила меня посидеть рядом, пока будет звонить следователю. Номер набрала сама.

Я слышал, как она сказала в трубку своё полное имя. Потом: «Да, я знаю. Мне муж рассказал».

Он спросил что-то ещё.

— Нет, — сказала Оля. — Он был там один.

Перед выходом она пошла в спальню переодеваться. Я машинально встал за ней. Она прикрыла дверь.

Не хлопнула. Не заперла. Просто прикрыла, а я остался снаружи.

Паша собирал с пола шурупы.

— Ты мне зачем про звонки сказал?

Я объяснил, что не хотел пугать её, пока сам не уверен.

Он спросил, уверен ли я теперь.

Я не ответил.

— Я ей сказал, что всё кончилось, — произнёс он. — Пока тебя ждали. Сказал: мы тебя нашли, теперь дома отоспишься.

Он завернул отвёртку в полотенце. Положил на стол.

Когда Оля вышла, я предложил поехать с ними.

Она попросила остаться.

Уже в прихожей я не выдержал:

— Оль, а про свадьбу ты откуда помнишь?

Я хотел спросить другое. Как она помнит: картинкой, обрывком, всем днём? Хотел понять, одинаково ли это у нас.

Она держала ботинок за язычок. Так и осталась с ним в руке.

Паша взял с тумбочки ключи.

— Мы позвоним, — сказал он.

Они уехали.

Через десять минут Оля прислала сообщение:

«Я из-за машины с тобой и поругалась. Ты при всех сказал, что я с утра ищу, кому испортить настроение».

Я прочитал.

Потом ещё одно:

«Можешь это тоже записать».

Личная переписка. Опубликовано с разрешения собеседницы

листопад_17, 19:33: Вы ещё можете спросить у неё, как выглядело помещение?

запасной_ключ, 19:34: Она уехала. Вы писали про отца.

листопад_17, 19:36: Он исчез в девяносто восьмом. Вернулся через месяц. Тело нашли раньше. Мама уехала со мной к бабушке. Он остался в квартире.

запасной_ключ, 19:36: Что потом?

листопад_17, 19:39: Потом ничего. Он платил алименты. Забирал меня на выходные. Умер семь лет назад от инсульта.

Обычная жизнь. Кроме того, что мама не могла находиться с ним в одной комнате.

запасной_ключ, 19:41: Почему вы спрашивали именно про станцию?

листопад_17, 19:44: Он работал водителем. Пропал возле неё. Я в детстве нашла протокол, мама спрятала в папку с квитанциями. Там был рисунок комнаты. Он рисовал для милиционеров.

запасной_ключ, 19:45: Чайник на табуретке?

листопад_17, 19:45: Да.

запасной_ключ, 19:45: Варежки на батарее?

листопад_17, 19:46: Носки. Мои. Он сказал, что узнал мои носки. Мама вязала из остатков шерсти, один получился полосатый, второй почти белый.

запасной_ключ, 19:48: Оля видела варежки.

листопад_17, 19:51: У вас есть дети?

запасной_ключ, 19:51: Нет.

листопад_17, 19:54: Тогда не знаю. Простите. Я думала, смогу вам помочь.

Обновление: четверг, 02:18

Оля в больнице. Паша рядом.

Оля сама позвонила сестре. Рассказала про найденную женщину. Лена уже едет, будет к утру.

Мне Оля прислала список вещей. Зарядку, спортивную

сумку, очки: в машине остались старые, с которыми за рулём можно, а читать тяжело.

Я собрал всё. Сел на сумку в прихожей и попробовал вспомнить, когда у нас на даче были табуретки с красным сиденьем.

Никогда. Там были обычные деревянные. Я сам красил их белой краской, потом оттирал руки растворителем.

Красное сиденье я помнил очень хорошо. Вдоль края маленькие гвоздики, один не забит до конца. За него цепляется резинка сандалии.

Я открыл переписку с женщиной, у которой вернулся отец. Прочитал ещё раз. Нашёл фотографию Олиных ботинок в поисковой ориентировке. Посмотрел на свою обувь у двери.

Потом позвонил маме.

Сказал сначала, что Оля нашлась. Мама заплакала, стала расспрашивать. Я ответил, что она в больнице, Паша с ней. Что пока всё, что мы знаем, очень странно.

Потом спросил, сколько мне было, когда я лежал в больнице с высокой температурой.

— Девять, — сказала мама.

— А до больницы что было?

— Ты заболел.

Я спросил про табуретку. Описал гвоздики. Мама перестала плакать.

— Где ты её видел?

Я не смог ответить. Сказал, что сейчас буду смотреть старую карту, может быть, там есть подробности. Мама отдала её вместе с документами, когда переезжала.

Она попросила никуда не ехать. Я сказал, что дома.

— Карту не выбрасывал?

— Нет.

— Там в конверте ещё лист. Достань.

Я принёс жестяную коробку из кладовки. В ней вперемешку лежат фотографии, гарантии, старые документы. Нашёл конверт. Мама всё время оставалась на линии.

С картой лежал сложенный вчетверо лист.

Чёрно-белая копия. Моё лицо, примерно девять лет. Школьная фотография, где я всё время получался с открытым ртом.

«Пропал ребёнок».

Моё имя. Рост. Одежда. Дата — август 1997 года.

Я об этом не знал.

Мама рассказывала, что в то лето я тяжело болел. Температура, больница, провалы в памяти. Я помню палату с жёлтыми шторами. Помню, как отец принёс арбуз, а медсестра ругалась, что нельзя ставить его на кровать.

— Мам, я пропадал?

Она сказала, что дети теряются. Что я вернулся, и больше говорить не о чем.

Я спросил, почему мне никто не рассказал.

За стеной у неё зазвонил телевизор. То есть телефон по

телевизору. Долго звонил, пока она молчала.

— Папа запретил?

— Папа не смог, — сказала мама.

Отец ушёл от нас в том же году. Потом присылал деньги, несколько раз забирал меня на рыбалку. Я думал, у него была другая женщина.

— Что не смог?

— Лёша. У тебя всё хорошо. У тебя жена. Работа. Ты мне каждый день звонишь. Не надо сейчас это трогать.

Я сидел на полу среди рассыпанных фотографий.

Спросил, сколько меня не было.

— Одиннадцать дней.

— А нашли где?

— На остановке. Ты домой шёл.

Дальше я не смог задать вопрос. Никак не мог составить его так, чтобы мама поняла что-нибудь другое.

Она сама ответила.

— Нас не пустили смотреть, — сказала она. — Только папу. Он потом говорил, что это был ты. Но ты же вот он. Пришёл. Попросил есть.

Я положил ладонь на рот.

Мама говорила всё быстрее:

— Ты даже сандалии надел не на те ноги. Всегда путал. Я тебя спрашивала, где ты был, а ты про чайник рассказывал. Про дяденьку. Я решила, что тебя кто-то держал. Что испугался и отпустил.

Я вспомнил табуретку.

Не картинку из Олиного рассказа. Свою табуретку. Сиденье было обтянуто красным дерматином. В трещине застряла крошка. Я ковырял её ногтем и боялся, что взрослый заметит.

Возле батареи лежали варежки.

Мои синие варежки, на резинке. Летом я про них даже не вспомнил. Теперь помню, как мама продевала резинку в рукава, пока я жевал хлеб с маслом.

— Я же тебя не прогнала, — сказала мама.

Я услышал, как она пытается вдохнуть.

— Лёшенька, я же тебя домой пустила.

Я сказал, что знаю.

Она спросила, зачем тогда я молчу.

Мне надо было сказать спасибо. Сказать, что она правильно сделала. Мама ждала, я слышал, как у неё гремит чашка о блюдце.

Я спросил, где похоронили того мальчика.

Мама положила трубку.

Последнее обновление: четверг, 06:40

Я отвёз сумку в больницу. Паша ждал возле входа. Сказал, что Оля не спала, но просила меня пустить, когда приеду.

Я спросил, что он помнит про девяносто седьмой.

Он тогда был маленький. Помнил, что его отправили к

тёте, а потом я приехал за ним с мамой и привёз игрушечный пистолет. Мама сказала: в больнице подарили.

Я рассказал про листок. Он взял мой телефон, прочитал. Подошёл под фонарь, увеличил фотографию.

Паша не сказал ничего. Вернул телефон и спросил, через кого искать старое дело. Я тоже не знал.

Мы зашли вместе.

Оля сидела на краю кровати. На руке след от забора крови. Волосы собраны резинкой, которую ей дала медсестра.

Она достала очки из сумки, протёрла футболкой. Надела, посмотрела на нас обоих.

— Лена скоро будет, — сказала она.

Я рассказал про мамин звонок.

Оля долго слушала. Я показал листок. Она увеличила имя, потом дату, потом вернула телефон.

— Я вспомнил комнату, — сказал я. — Ещё до этого. Когда ты рассказала.

Она спросила, помню ли мужчину.

Нет. Помнил рукав возле чайника. Большой палец с отросшим ногтем. Как он держит чашку сверху за край и дует в неё, хотя чай, кажется, мне.

Оля смотрела на мою руку. Я сам держал пальцы так, будто между ними была чашка.

Она сказала, что мужчина на станции держал чашку так же.

Я почувствовал облегчение. Такое сильное, что сразу начал говорить. Что, наверное, мы оба были там. Что мама почти тридцать лет со мной живёт — то есть не живёт, но видится, разговаривает. Что у меня всё нормально. Что мы с Олей вместе семнадцать лет.

Оля спросила:

— Ты теперь точно знаешь, что я могу домой?

Я замолчал.

Она подняла голову.

— До этого не могла, а теперь можно?

Паша поставил сумку на пол. Сказал, что выйдет, но Оля попросила его остаться. Я видел, как он сел на стул у двери, положил ладони на колени.

— Я не знаю, что произошло, — сказал я.

Оля кивнула.

Я подождал. Она молчала. Потом достала из кармана ключи, положила на одеяло.

— Вот. Смотри.

Обычная связка. От нашей двери, от тамбура, маленький ключ от почтового ящика. Жёлтый брелок с облезшей надписью, привезённый из отпуска.

— Я их всю ночь в кармане держала, — сказала она. — Думала, вдруг попросят отдать.

Я сел рядом. Не стал трогать ключи. Мне хотелось, чтобы она сама убрала их обратно, и хотелось сказать ей об этом, но я промолчал.

Через некоторое время Оля подвинулась, освобождая мне место на одеяле. Я положил ладонь. Она накрыла её своей.

Потом она спросила про ту женщину.

Я сказал, что результатов ещё нет.

— А она там так и лежит?

Я не понял, что ответить.

Оля сняла очки. У неё под ними была красная полоса на переносице. Вытерла лицо, надела снова.

— Если это я, — сказала она, — кто к ней придёт?

Я начал объяснять, что она здесь. Она сжала мою руку.

— Я знаю, где я. Я у тебя другое спрашиваю.

Мы так и не договорились, что делать. Оля хочет узнать, что случилось на станции. Хочет увидеть всё, что можно ей показать. Я боюсь, что, когда покажут, она вспомнит то, чего не помнит сейчас.

Сказал ей это. Она ответила, что тоже боится.

Я обещал позвонить следователю утром. Записал номер дела на бумагу. Паша забрал листок, сфотографировал для себя.

Оля пока останется в больнице. Потом, может быть, поедет на несколько дней к сестре. Она не знает. Я спросил, можно ли мне приехать вечером, она сказала: да, только сначала позвони.

За окном светало. Паша наконец вышел за кофе. Оля легла на бок, по-прежнему держась за мою руку.

Я посидел, пока она не начала засыпать.

— Ты варежки вспомнил? — спросила она.

Я сказал, что да. Синие, на резинке.

Она открыла глаза.

— Нет. Там маленькие были. Красные. Один большой палец белый, а второй тоже красный. Я ещё подумала: кто-то вязал, шерсти не хватило.

Я знаю эти варежки.

В прошлом году мама связала их для нашего ребёнка. Сказала, пусть лежат, а то потом зрение совсем испортится. Оля обиделась: мы тогда только закончили очередное обследование, и подарки заранее казались ей жестокими.

Я убрал варежки в коробку из-под обуви, на антресоли. Оле сказал, что отдал коллеге.

Она их не видела. Даже пакет не открыла.

Я спросил, точно ли белый палец был только один.

Она кивнула.

— И ещё петелька порвана, — сказала она. — На белом. Он за неё на батарею повесил.

Я не помнил петельку.

Оля смотрела, как я достаю телефон.

— Лёш, не надо вопросы записывать.

Я положил его обратно. Рассказал про коробку.

Она отпустила мою руку.

По дороге из больницы я заехал домой. Достал коробку.

Внутри лежали чеки за прошлый год, запасные шнурки и новая губка для обуви в прозрачной упаковке.

Варежек не было.

Я снял с антресолей всё. Вытряхнул новогодние украшения. Проверил пакет с маминой старой шапкой. Залез на стул, провёл ладонью по пыльному дну полки.

Позвонил маме. Она ответила сразу.

Я спросил, сколько пар она тогда связала.

Мама сказала: одну. Не такую, чтобы гулять, а совсем маленькую, без пальчиков. Красной шерсти не хватило, полоску по краю пришлось сделать белую.

— Ты большие пальцы не вывязывала?

— Лёша, они же на новорождённого. Там вся рука как твой палец.

Я открыл фотографию коробки. Снял её в прошлом году, когда спрашивал у мамы, не её ли чеки лежат вместе с подарком. Варежки попали в нижний угол кадра.

Два красных мешочка. Белые полоски у резинок.

Оля видела другие.

Я позвонил ей. Она ответила шёпотом, рядом спала соседка по палате.

Я спросил, большие ли были варежки.

— Детские, — сказала она. — На годика три. Или четыре. Я не очень разбираюсь.

Я сел на стул, с которого только что слез.

На полу у моих ног лежала пустая коробка. Я смотрел на

неё и пытался представить варежки побольше. Белый палец. Петельку. Маленькую руку, которая в них влезет.

Оля позвала меня по имени.

Я спросил, сколько пар сушилось на батарее.

Она немного подумала.

— Много. Я видела только первые.

Я спросил, были ли там ещё какие-нибудь детские вещи.

Оля не ответила сразу.

— Ты на станцию собрался?

Я посмотрел на куртку, брошенную у двери. Ключи от машины остались в кармане.

— Лёш?

Я сказал, что сижу дома.

Она попросила не класть трубку.

Я не клал. Слышал, как она повернулась на кровати, как в коридоре прокатили тележку. Потом Оля спросила, что с дверцей шкафа.

Я посмотрел в комнату. Дверца лежала у стены, возле неё на полотенце отвёртка.

— Надо петли покупать, — сказал я.

— Да. Я тебе вчера сказала.

Мы помолчали.

— Я знаю, — сказала Оля, — что их там нет.

Я понял, про что она, но всё равно спросил:

— Кого?

Она заплакала. Очень тихо, стараясь не разбудить сосед-

ку.

История вторая. Мы с братом помним разное детство

Пользователь: третий_стул
Опубликовано: суббота, 17:42

Брат говорит, у нас никогда не было сестры.

Мы разбирали родительский дом перед продажей. Он выносил мебель, я паковал посуду. В кладовке нашлась детская чашка с гусем. На дне ещё сохранилась цена.

Я сказал:

— Надькина. Давай оставим.

Кирилл стоял в дверях с двумя свёрнутыми коврами под мышкой.

— Чья?

Я повторил.

Он спросил, кто такая Надька.

Сначала я решил, что это его очередная шутка. У Кирилла бывает: скажет какую-нибудь чушь с серьёзным лицом и ждёт, когда ты начнёшь злиться.

Но он поставил ковры и попросил меня сесть.

Вот это меня и напугало. Он мог шутить даже тогда, когда совсем не стоило. А сейчас сразу стал серьёзным.

Мне тридцать семь. Кириллу сорок один. Мама умерла в

феврале, отец — давно. Наследство мы оформили, покупатель нашёлся быстро. Ключи отдаём в понедельник.

Надя младше меня на пять лет.

Я написал «младше», хотя правильнее, наверное, «была младше». Она исчезла в девяносто девятом. Ей было пять. Мне десять.

Она играла за домом, пока мама полола грядки. Я должен был смотреть за ней. Ушёл к приятелю за картриджем. Минут на двадцать, может, на сорок. В детстве плохо чувствуешь время, когда знаешь, что тебе запретили уходить.

Когда вернулся, мама уже бегала по улице.

Надю искали до зимы. Потом ещё весной. Потом стало происходить то, что взрослые называли «появилась информация». Отец куда-то ездил, возвращался и ложился на диван в одежде.

Через несколько лет он умер. Сердце.

Мама оставила Надину комнату как была. Железная кровать, жёлтый шкаф, обои с воздушными шарами. В нижнем ящике лежали шерстяные колготки, коленки всегда вытянутые. Мама иногда их стирала. Развешивала рядом со своими вещами, и с улицы казалось, что в доме всё ещё живёт ребёнок.

Кирилл слушал меня, не перебивая.

Он вообще всегда давал мне договорить. Даже когда я просил денег, которые он не мог дать, или объяснял, почему опять не приехал к маме. Обычно я был ему за это благода-

рен.

Тогда захотел ударить.

Потому что я рассказывал про сестру, а он уже прикидывал, кому позвонить, чтобы со мной посидели.

Потом сказал:

— Антон. Там папин кабинет.

Мы пошли смотреть.

Комната в конце коридора. Я не заходил туда много лет: мама не любила. Ставила перед дверью сушилку, говорила, что там нечего делать.

Вчера сушилку уже увезли.

Кирилл открыл дверь.

Письменный стол. Книжный шкаф. Узкий диван. На стене светлый прямоугольник от снятого календаря.

Я запомнил пыль на столе. Две длинные полосы там, где Кирилл утром протащил принтер по столу. Старый струйник, отец печатал на нём какие-то ведомости.

Я вспомнил этот принтер.

И сразу стало очень плохо.

Потому что я помнил, как Надя спала в этом же месте. С открытым ртом, вытянув из-под одеяла пятку. Я подносил к пятке холодную ложку. Она дёргалась, но не просыпалась.

А ещё я помнил, как сидел за этим столом, и отец разрешал нажать кнопку печати. Из принтера медленно вылезал кот с надписью «Молодец!».

Я спросил, когда отец купил принтер.

— Когда я в девятый пошёл. В девяносто девятом.

В тот год, когда пропала Надя.

Я стоял в коридоре. Кирилл предлагал воды.

Потом я заметил на косяке чёрточки.

Мама измеряла наш рост. Подставляла к голове книгу, проводила карандашом. У Кирилла всегда получалось больше, чем на школьном медосмотре. Он говорил, что мама специально держит книгу криво.

Два ряда. «К.» и «А.».

Ниже — третий, почти стёртый. Несколько коротких отметок.

Возле верхней было написано: «Н. 5».

Кирилл присел. Потёр надпись большим пальцем.

— Царапины, — сказал он.

— Ты видишь букву?

Он долго смотрел. Потом поднял глаза.

— Вижу.

Мы позвонили тёте Вале. Маминой сестре.

Я включил громкую связь и спросил, помнит ли она Надю.

— Какую Надю?

Кирилл прикрыл глаза.

Я объяснил.

Тётя Валя сказала, что у мамы было двое сыновей. Напомнила, что после её смерти прошло полгода, а я всё работаю

без отпуска. Предложила приехать.

Кирилл выключил громкую связь, отошёл к окну. Я слышал, как он сказал: «Да, я рядом».

Потом мы смотрели фотографии.

Ни одной с Надей.

Но на нескольких я знал, где она должна стоять. Восемь лет мне, день рождения, стол на веранде. Между мной и мамой пустое место. Я помнил, как Надя лезла пальцем в торт, мама держала её запястье. На фотографии мамина рука лежала на скатерти.

Я начал листать быстрее.

Кирилл забрал альбом.

— Хватит. Поедем ко мне.

Я выдернул его обратно. Из-под задней обложки выпал сложенный вчетверо лист. Кирилл наступил на него раньше, чем я успел нагнуться.

— Что это?

— Для сделки. Потом.

Он подобрал лист, сунул в карман. Я видел край: машинописные строчки, поверх них мамина синяя ручка.

— Ты уже что-то нашёл?

— Тох, поехали.

Я сказал, что он торопится избавиться от дома. Что ему всё равно, что здесь было, лишь бы получить свою половину.

Он поставил альбом на стол очень аккуратно.

— У меня долги, — сказал он. — Ты знаешь. Но я тебя

сейчас зову домой, а не в банк.

И тут из коридора раздался грохот.

Тяжёлый, с металлическим дребезжанием. Будто уронили решётку.

Мы оба обернулись.

В конце коридора стояла маленькая железная кровать.

Одна ножка зацепилась за порог комнаты.

На кровати лежал жёлтый шкаф. Дверцы распахнулись. Из него высыпались детские вещи.

Кирилл сказал:

— Я это не выносил.

Потом ещё раз, громче:

— Я это не выносил, Тох.

Сейчас мы в машине возле магазина. Кирилл купил воды и сидит со мной. Я попросил дать мне полчаса. Говорю, что переписываюсь с другом.

Он видел кровать. Видел шкаф. Сестру не помнит.

Я помню. Но теперь помню и кабинет.

Не надо писать про угарный газ: отопление выключено, в доме никто не живёт с февраля. И я понимаю, как всё это выглядит. До сегодняшнего дня я тоже мог бы объяснить такое чужое сообщение.

Комментарии

архивариус_на_час: Если ребёнка искали, должны быть

следы вне семьи. Газета, школьные знакомые, соседи. Начните с соседей, пока вы там.

третий_стул → архивариус_на_час: Старая соседка умерла. Через дом живёт её дочь. Попробую.

пыльный_пиксель: Сфотографируйте отметки на косяке. И мебель.

третий_стул → пыльный_пиксель: Кирилл снял. На снимке обычный коридор. Кровать на нём тоже есть. Я уже несколько раз проверил.

листопад_17: В доме есть вещи, которые никто из вас не узнаёт?

третий_стул → листопад_17: Половина кладовки. Мама ничего не выбрасывала.

листопад_17: Я имею в виду личные. Одежду. Детские вещи.

третий_стул → листопад_17: Я же написал про шкаф.

листопад_17: Да. Простите. Прочитала.

Обновление: суббота, 23:08

У соседки ничего не выяснили. Она въехала после развода в двухтысячных. В детстве жила с отцом в другом городе. Про Надю не слышала.

Зато спросила, зачем мы поставили у калитки коляску.

Никакую коляску мы не ставили.

Вернулись.

Коляска была. Серая, глубокая, на больших колёсах. Стояла с внутренней стороны забора, возле куста смородины.

Кирилл побледнел.

Сказал:

— Моя.

Я ответил, что моей тоже могла быть. В те годы коляски передавали по наследству.

Он показал на ручку. Там был крючок из толстой проволоки, примотанный синей изолентой.

— Это папа делал. Для пакета. Я спрашивал, почему у других нет. Он говорил, что мы богатые, нам пакетов много надо.

Я этого не помнил.

Кирилл взялся за ручку и сразу отпустил.

— Она тёплая.

Я не стал проверять.

В дом мы вошли вместе. Дверь в конце коридора была закрыта. Кровать и шкаф исчезли.

У косяка лежал шуруп. Я утром нашёл его возле лестницы, положил на подоконник. Теперь он лежал перед комнатой.

Наверное, это мелочь. Но я почему-то долго на него смотрел.

Кирилл сказал, что надо вызвать полицию. Я спросил, что он им сообщит.

— Что у нас кто-то в доме.

Он уже достал телефон, когда из комнаты донёсся женский голос:

— Кирюша, коляску под навес закати.

Мамин.

Только голос у неё был совсем другой. Молодой. Без одышки. Так она говорила на старой кассете, где мы с Кириллом устраивали новогодний концерт.

Кирилл убрал телефон.

Я схватил его за рукав. Он посмотрел на мою руку так, будто не понимал, что это и зачем.

За дверью что-то заскрипело.

Потом мама сказала:

— Антоша, не буди. Только уложила.

Кирилл дёрнул дверь.

Отец сидел за столом. В голубой майке. Повернулся к нам и положил палец на губы.

Рядом со столом стояла серая коляска.

Мама нагнулась над ней, подтыкая одеяло.

Я увидел её шею. Маленькую золотую цепочку, которую мы сдали в ломбард, когда отцу делали операцию. Увидел, как она заправляет волосы за ухо.

Мне захотелось подойти так сильно, что я согнул пальцы, пытаясь удержаться за дверной косяк.

Кирилл сказал:

— Мам?

Отец нахмурился.

— Тише ты.

И протянул руку. Не к нам. Вниз, к краю коляски.

Из-под одеяла высунулись маленькие пальцы. Схватили его за указательный.

Кирилл попятился, наступил мне на ногу. Мы упали в коридоре. Он заполз за угол на четвереньках. Я захлопнул дверь.

В машине он долго не мог попасть ключом в замок зажигания.

Потом сказал:

— Это я.

Я спросил, что он имеет в виду.

— В коляске. Это я. На фотографии так же. Папа сидит, я его держу. У меня эта фотография дома.

Обновление: воскресенье, 09:15

Ночевали у Кирилла. Точнее, сидели на кухне.

Он нашёл фотографию. Она маленькая, с неровным белым краем. Отец в голубой майке возле коляски. Мама смотрит на него. На обороте её почерком: «Кирюше три месяца».

Я раз пятьдесят посмотрел на эту фотографию за ночь.

Кажется, рассчитывал найти разницу.

Утром Кирилл позвонил покупателю. Сказал, что возникли сложности, ключи в понедельник передать не сможем. Мужчина возмутился. У него заказана машина, рабочие, со-

гласованы какие-то доставки. Кирилл обещал оплатить простой.

Я спросил, зачем он так быстро согласился платить.

Он ответил:

— Я не пущу туда людей.

И я впервые с самого начала перестал на него злиться.

Потому что вчера, когда он усадил меня за стол, я подумал: ему легче. У него никто не пропадал. Он жил без той дыры, которую я обходил почти всю жизнь.

А ночью он сидел с фотографией и шептал:

— Я бы зашёл. Если бы ты не держал, я бы зашёл.

Я попросил показать лист из альбома.

Он сказал, что утром отдал его вместе с остальными бумагами риелтору.

Это была первая его ложь, которую я смог проверить. Риелтор в выходные уехала к дочери. Мы сами обсуждали это в машине.

Я не стал говорить, что помню.

Обновление: воскресенье, 16:31

В дом всё-таки пришлось вернуться. Там осталась папка с документами и Кириллов бумажник. Мы договорились взять всё у входа, в коридор не идти.

Калитка была открыта.

На ступеньках сидела девочка. В старой вельветовой юб-

ке, в носках без обуви. Расчёсывала пальцами мокрую бахрому шарфа.

Я узнал Надю раньше, чем увидел лицо. По тому, как она сидела: одна нога под собой, вторую болтает. У неё всегда затекала ступня, потом она хромала по двору и злилась, когда я смеялся.

Я остановился у калитки.

Кирилл прошёл ещё пару шагов и тоже встал.

— Девочка, ты с кем?

Она подняла голову.

Посмотрела сначала на него, потом на меня.

— Антон, мама сказала тебя не пускать.

Кирилл взял меня за локоть.

Я спросил, почему.

Надя пожала плечами.

— Ты опять уйдёшь.

Я хотел сказать, что больше не уйду. Уже открыл рот.

Потом увидел её носки. Полосатый и почти белый.

У нас никогда не было таких носков. Бабушка вязала из коричневой шерсти, колючей. Надя называла их медвежьими.

Я спросил:

— Где твои носки?

Она посмотрела на ноги.

— Эти дали.

— Кто?

— Женщина. Мои промокли.

Я не знал, что спросить дальше. Самое важное было рядом, но я никак не мог подступиться.

Кирилл присел на корточки.

— Ты знаешь, кто я?

Надя кивнула.

— Ты не хочешь меня.

Он долго молчал.

Потом сказал:

— Я тебя не помню.

Она начала разматывать шарф. Нитка зацепилась за пуговицу, и она стала тянуть сильнее.

Я подошёл, присел рядом. Придержал её руку, снял петлю.

Нормальная детская рука. Под ногтем земля. От кожи пахло железом, как бывает после качелей.

— У тебя зуб болит? — спросил я.

Надя перестала возиться с шарфом.

За неделю до исчезновения у неё раздуло щёку. Она всё время нажимала на неё языком, а я говорил, что там вырастет второй нос. Мама запрещала её пугать.

Надя кивнула и показала пальцем.

Правильно.

Я обнял её.

Пишу и думаю: сейчас мне объяснят, что я был идиотом. Возможно. Но я оставил её одну на двадцать семь лет. Я не смог ещё и стоять рядом, пока у неё болит зуб.

Она уткнулась мне в куртку. Шепнула:

— Он всё время начинает сначала.

Я спросил, кто.

— Папа. С Кирюши. Потом ты. Потом я. А потом опять маленький Кирюша.

За нашими спинами скрипнула дверь.

На пороге стояла мама. В домашнем халате, седая, такой я видел её за месяц до смерти.

Она держала мои зимние ботинки. В каждом — по свёрнутому шерстяному носку.

— Надя, иди в дом.

Девочка сильнее сжала мою куртку.

Мама посмотрела на Кирилла.

— Я просила его не привозить.

— Мам, — сказал он. — Что здесь происходит?

— Забирай брата. Вам тут нельзя.

Я спросил про Надю.

Мама прижала ботинки к груди. Каблуки испачкали халат.

— Кто-то должен остаться.

Обновление: воскресенье, 22:46

Мы до сих пор в доме. Надя спит на диване рядом со мной. Кирилл закрыл кухонную дверь, но за ней всё время ходят.

Я сначала хотел написать только про лист. Без того, что

рассказал брат, он ничего не объяснит.

Это половина больничной выписки. Верхний край отрезан ножницами. Внизу моя фамилия, имя, возраст — десять лет. Дата за два месяца до того дня, когда, по моей памяти, пропала Надя.

Рукой мамы на полях: «Кирилл тоже. Забрала обоих 18-го».

Ниже, мельче: «Не спрашивать про воду».

Кирилл увидел бумагу ещё в пятницу. Прочитал, оставил в альбоме. Когда она выпала при мне, испугался.

Он вынул её из кармана, когда мама сказала, что кто-то должен остаться. Спросил: «Ты и тогда так сказала?»

Она выпустила мои ботинки из рук.

А я понял, что в субботу брат не просто испугался за меня. Он ждал, скажу ли я что-нибудь сам.

— Про какую воду? — спросил я.

Он смотрел на Надю у меня на коленях.

— Я помню, как тебя вытаскивал.

В четырнадцать он начал ходить на реку с ребятами постарше. Мне не разрешали. Я всё равно увязался. Под мостками зацепился ногой за верёвку, которой привязывали лодку.

Эту историю я знал. Кирилл меня вытащил, мы по дороге домой высушили одежду на трубах за котельной. Маме сказали, что купались в трусах, как нормальные люди.

Только брат помнил другое продолжение.

Как нащупал мою ногу. Как верёвка не снималась. Как хотел всплыть один раз за воздухом и не смог разжать мои пальцы на своей шее.

Он говорил спокойно, пока не дошёл до этого. Потом начал тереть ладони о джинсы.

— Я помню трубы, — сказал он. — И как домой шли, тоже помню. А ещё это. Не во сне. Когда в душе вода в уши попадает. Я потому и ванну не принимаю.

Я знал, что он не принимает ванну. Знал, что у него на даче нет бассейна, хотя жена хотела. Он всегда говорил: возни много.

— Почему ты мне не сказал?

— А что? Что ты меня утопил?

Я опустил глаза. Надя крутила пуговицу на моей куртке.

Кирилл сразу сказал:

— Я так не думаю, Тох. Я к врачам ходил. Ещё когда ты в институте учился. Просто я не знал, что из этого было.

После бумажки он почти не спал. Потом я нашёл чашку и спросил про сестру, которой в его детстве не было.

Он решил, что дом добрался и до меня.

Вот зачем он прятал лист. Собирался забрать меня, закрыть сделку, потом рассказать всё на своей кухне, где за дверью нет папиного кабинета.

Я спросил, собирался ли он предупредить покупателя.

Кирилл сказал:

— В пятницу я ещё думал, это всё-таки моя голова.

Я не знаю, простил бы я его, если бы он продал дом. Он не продал. Пока могу написать только это.

Мама всё это время стояла у плиты.

Не вмешивалась, не пыталась обнять. Иногда смотрела на окно, как смотрят на часы.

Я спросил, что значит «забрала обоих».

Она ответила:

— Вы пришли домой мокрые.

— А до этого?

Мама взяла со стола чашку с гусем. Большим пальцем провела по ручке.

— Я вас уже видела, — сказала она. — До этого.

Кирилл отвернулся.

Я стал спрашивать, где именно. В больнице? На реке? Кто ей позвонил?

Мама поставила чашку так резко, что Надя вздрогнула.

— У тебя кровь из носа текла. Ты меня увидел и сказал: «Мам, я не специально». Я тебя переодевала, ты всё это повторял. Мне надо было тебя обратно выгнать?

Я не помнил крови. Не помнил этой фразы.

Зато помнил, как мама вытирала мне голову большим полотенцем. И спрашивала Кирилла, точно ли он тоже хорошо себя чувствует. Раз десять спрашивала.

Я всегда считал, она тогда догадалась про реку.

Мама плакала, держась за край плиты. Я хотел встать, но

Надя не отпускала куртку. Кирилл подошёл к маме и остановился, не дотронувшись.

— А она? — спросил я.

Мама посмотрела на девочку.

— Её отец привёл потом.

— Откуда?

— Из комнаты. Сказал: вот же она. Вся мокрая. Я спрашиваю, где взял, а он: вот же она, Люда, посмотри.

Кирилл поднял голову.

— Ты чашку бросила.

Мама кивнула.

Он посмотрел на целую чашку на столе. Потом взял её и перевернул. На дне была старая цена, которую мы разглядывали вчера.

— Я сказал, что детей трое, — произнёс он.

— Да.

— А ты меня ударила.

Мама закрыла рот ладонью.

— Ты потом спать не мог. Она тебя звала.

— Ты меня ударила? — повторил Кирилл.

— Да.

Она не сказала, что иначе было нельзя. Я ждал, что скажет. Наверное, мне так было бы легче.

Мама просила его говорить, что детей двое. Не открывать дверь, когда из комнаты зовёт девочка. Утром он просыпался и уже не мог вспомнить, как её зовут. Потом не помнил,

зачем сам хотел открыть.

Я лежал в больнице. Мне объяснили, что после исчезновения сестры у меня случился нервный срыв. Мама забрала меня восемнадцатого. Месяц я не помнил. Мы ели в автобусе тёплые пирожки. Дома перед дверью стояла сушилка.

Я помнил её с тех пор постоянно. Как-то предложил перенести в ванную. Мама сказала: там сырость.

— Почему я её помню? — спросил я.

— Ты при мне никогда не говорил.

Двадцать семь лет я думал, что берегу маму.

Она думала, что получилось.

Я спросил, настоящая ли Надя у меня на коленях.

Мама начала отвечать, но Кирилл её перебил:

— А я?

Она посмотрела на него.

— Ты же знаешь, что у меня двое детей, — сказал он. — Ты к нам приезжала. Пирог привозила. Ты когда со мной разговаривала, ты кого видела?

— Тебя.

— А тогда?

Мама заплакала сильнее. Кирилл вышел из кухни. Я слышал, как он откашливается возле входной двери.

Надя дождалась, пока он вернётся.

— Ты всё равно меня не хочешь? — спросила она.

Он присел перед диваном. Надя упёрлась голыми пятками

ему в колени.

— Я тебя боюсь, — сказал он.

Она отдёрнула ноги.

— А я тебя нет.

Он снял с батареи полотенце, вытер ей ступни. Мы оба заметили, что они мокрые. На линолеуме под диваном натекла маленькая лужа.

В доме с февраля перекрыта вода.

Из коридора донёсся мужской голос:

— Люда, где чистые пелёнки?

Мама перестала плакать. Пошла к двери, но Кирилл не отступил.

— Он знает, сколько мне лет?

Мама тихо сказала:

— Не всегда.

Отец позвал опять. Теперь сердито.

Надя соскользнула с дивана и полезла под стол.

Я присел возле неё. Спросил, боится ли папы.

Она покачала головой.

— Он опять будет искать маленькую.

— Тебя?

— Он меня не видит, когда держит её.

Она показала на дверь.

За ней заплакал ребёнок.

Обновление: понедельник, 03:12

Мы забрали Надю.

Сначала я попробовал вынести её через прихожую.

Вместо входной двери там была сушилка. Та самая, с отломанной ножкой, которую в пятницу увезли вместе с железом. На ней висели наши с Кириллом вещи: школьная рубашка, брюки с заплатой на колене. С рукава на пол стекала вода.

Я отодвинул сушилку. За ней была дверь в маленькую комнату.

Кирилл стоял у меня за плечом. Он видел то же самое. Сказал, что надо назад, на кухню: там окно во двор, без решётки.

Я повернулся, и Надя ударилась лбом о косяк. Несильно, но заплакала.

На кухне я посадил её на стол, осмотрел лоб. Розовое пятно, ни ссадины, ни крови.

Она плакала так, что не могла вдохнуть. Я прижал её к себе, начал говорить, что всё хорошо, сейчас уедем. Она забилась сильнее.

Кирилл отвёл мою руку.

— Ты ей больно делаешь.

Я разжал пальцы. На запястье остались белые следы.

Надя сказала:

— Он тоже сначала забирает. А потом меня опять нет.

Я всё это время нёс её так, чтобы она смотрела мне через

плечо. Она видела коридор, комнату, маму. Я даже лица её не видел.

Кирилл нашёл мой бумажник, достал фотографию с нами обоими на рыбалке. Снимали прошлым летом. Дал Наде.

— Вот так мы сейчас выглядим. Смотри. Я лысый.

Он наклонил голову. Надя перестала всхлипывать. Потрогала макушку.

— Тебе тоже машинкой?

— Нет. Само.

Я впервые за вечер услышал, как он почти смеётся.

Он объяснил, что отвезём её к врачу, потому что у неё болит зуб. Потом придётся искать, где жить. Мама с нами, скорее всего, не поедет. Он не знает, почему она здесь. Не знает, что делать с домом.

Надя спросила, будет ли там её шкаф.

Я хотел сказать: будет всё, что захочешь.

Кирилл ответил раньше:

— Сейчас не возьмём. В машину не влезет.

Она кивнула, будто это наконец было что-то понятное.

Отец появился, когда брат открывал окно.

На руках у него был ребёнок в одеяле. Он посмотрел на меня, потом на Кирилла. На младенца. Снова на Кирилла.

— Люда, — сказал он.

Мама стояла у мойки. У неё так тряслись руки, что она спрятала их в карманы халата.

Отец подошёл к брату.

Я помню его большим. Не толстым — большим: руки, шея, лицо. Он умер, когда я ещё учился в школе, а я до сих пор помню его таким, каким видел снизу.

Перед Кириллом стоял мужчина ниже его на полголовы. Шлёпанцы, старая майка. На локте потёртое одеяло, под которым двигалась голова ребёнка.

— Это ты? — спросил отец.

Брат опустил раму. Окно со стуком закрылось.

— Пап, мне сорок один.

Отец отвёл край одеяла. Посмотрел на младенца, будто хотел свериться.

— Я же тебя держу.

Кирилл протянул руку. Мне показалось, хочет погладить ребёнка. Он так и застыл, не дотянувшись.

Потом спросил:

— Ты меня и потом держал? Когда я с реки пришёл?

Отец прижал младенца к груди.

— Не было никакой реки.

Он сказал это так, что я тоже на секунду перестал помнить. Солнце, трубы за котельной, мокрые трусы на ржавом вентиле — всё стало похоже на историю, которую я слышал от кого-то другого.

Брат опустил руку.

— Было.

Отец начал качать ребёнка. Очень сильно, всем корпусом.

Я испугался за маленькую голову, придержал его локоть. Он с такой силой оттолкнул мою руку, что я ударился о холодильник.

Надя спрыгнула со стола. Побежала к нему.

Я подумал, что она хочет остаться. Не стал хватать — и до сих пор, когда вспоминаю, внутри всё сжимается.

Она обошла отца и потянула маму за халат.

— Скажи ему.

Мама опустилась на корточки. Надя взяла её ладонь, приложила к своей щеке.

Отец стоял рядом и качал ребёнка. Смотрел поверх них в окно, где была чёрная ночь.

— Надя здесь, — сказала мама.

Он покачал головой.

— Надя ещё не родилась.

Мама поднялась. Я увидел, как она держится за мойку, чтобы не упасть.

— Иди, — сказала она девочке.

Та не двинулась.

— Не за шкафом, Надь. Иди с ними.

Она сказала это так тихо, что я едва расслышал.

Окно открылось со второго раза. Кирилл вышел первым, встал на старую бочку. Я спустил ему Надю. Она держала фотографию зубами, чтобы освободить руки.

Я повернулся к маме.

Отец уже ушёл. Было слышно, как в маленькой комнате скрипит коляска.

— А ты?

Мама посмотрела на подоконник. На улице брат говорил Наде, куда поставить ногу.

— Я же умерла, Антон.

— Мы тоже, может быть.

Она покачала головой.

Я подвинул табуретку к окну. Мама села, хотя я подставлял её для другого. Взяла меня за рукав, как раньше брала, когда надо было выслушать до конца.

Я подумал: сейчас объяснит. Откуда комната. Как нас вернула. Почему оставила Надю.

Она спросила, оставил ли я где-нибудь её очки.

Они лежали на холодильнике. Я принёс. Мама надела, посмотрела через окно на Кирилла с девочкой. Попросила подвинуться, я загораживал свет от уличного фонаря.

Я стоял возле неё, пока снаружи брат не окликнул меня второй раз.

Я сказал, что вернусь завтра. Мама не ответила.

Когда я вылезал, она убрала с подоконника край моей куртки, чтобы я его не порвал.

У калитки я обернулся. Мама всё ещё сидела на табуретке. Из глубины дома к ней подошёл отец с ребёнком.

Она положила ладонь поверх одеяла.

Кирилл посадил Надю в машину. Прежде чем застегнуть

ремень, спросил, не туго ли. Она сунула под него два пальца и сказала, что нормально.

Последнее обновление: вторник, 11:20

Надя в больнице. Мы вызвали полицию сами. Сказали, где нашли девочку. Показывали дом, фотографии, лист из альбома. Там сейчас пусто. В маленькой комнате детская кровать, жёлтый шкаф. Кабинета нет.

В доме я маму больше не видел. Вчера сидел на кухне до темноты. Кирилл ждал снаружи. Табуретка стояла под окном, на холодильнике лежали очки.

Наде по всем обследованиям, которые успели сделать, — пять. Зуб вылечили. После она съела две порции пюре и уснула.

Я дал образцы для анализа. Кирилл тоже. Документы о пропаже пока ищут. В электронных базах ничего не нашли, будут поднимать старые материалы.

Тётя Валя теперь помнит Надю. Уверяет, что не могла отрицать её существование. Запись субботнего звонка осталась у нас обоих. Кирилл сказал ей про запись. Она попросила включить и на середине положила трубку.

Через час перезвонила спросить, в какой мы больнице.

Деньги за дом придётся вернуть. Кирилл разговаривает с покупателем и банком. Я вчера предложил ему свою половину расходов за простой машины. Он сказал, что пришлёт

квитанции. Раньше ответил бы, чтобы я не забивал голову.

Вечером он привёз Наде медвежьи носки. Нашёл в нижнем ящике жёлтого шкафа. Там же лежали наши школьные вещи, совершенно сухие.

Кирилл позвал меня в коридор. Показал снимок, сделанный в комнате.

На стене над кроватью — большой портрет в коричневой раме. Мы с братом в одинаковых клетчатых рубашках, которые мама покупала на вырост. Он держит игрушечный самосвал. У меня нет переднего зуба.

Чёрная лента в правом нижнем углу.

Раньше я бы написал, что это доказывает. Сейчас не знаю даже, кто повесил фотографию. Рама настоящая: я принёс её из дома. На обороте мамин почерк, наши имена. Никаких дат.

Кирилл сказал, что помнит портрет у нас в комнате. В школе ещё не учился, но помнит. Как он мог висеть тогда, если мы утонули в девяносто девятом, он не понимает.

Я держал фотографию, смотрел на наше отражение в стекле. Брат взял меня за локоть.

— Не сейчас, Тох. Пойдём.

Мы вернулись в палату. Надя не спала. Лежала на боку, подложив ладонь под щёку.

Кирилл сел на соседнюю кровать. Спросил, не болит ли зуб.

Она сказала, что нет. Потом спросила:

— А ты теперь меня помнишь?

Он посмотрел на меня. Я не знал, что ему сказать.

Кирилл ответил, что помнит, как вытирал ей ноги. И как она в машине не хотела снимать ремень, потому что думала, мы сразу поедем дальше.

— А маленькую?

Он покачал головой.

Надя попросила чашку с гусем. Кирилл достал её из пакета, налил воды. Ручка отломилась у него в пальцах.

Он остался сидеть с белым колечком в руке.

Надя даже не удивилась.

— Мама её уже била, — сказала она. — Только тогда ты меня помнил.

История третья. В нашем подъезде появился второй выход

Пользователь: квитанция_за_свет
Опубликовано: понедельник, 10:17

Я старшая по дому. Это значит, что у меня лежат ключи от подвала, меня ненавидят за взносы на камеры и звонят мне, когда в лифте пахнет мочой.

Сегодня в шесть утра позвонили из-за двери.

У нас в подъезде появилась ещё одна.

Сразу уточню: её не поставили за ночь. На том месте никогда не было проёма. Там висели объявления и стояла банка из-под краски, куда дворник складывал окурки.

Теперь там выход во двор.

В наш двор. С той же горкой, тем же чёрным «Фордом» под клёном. Даже пакет на зеркале, который хозяин надел вместо разбитого корпуса, такой же.

Только на доске объявлений возле детской площадки висят наши фотографии.

Над каждой написано: «Пропал человек».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.